

АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ФИЛОСОФИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА М.М. БАХТИНА

Рассматривается вопрос о формировании герменевтической парадигмы в теории изучения литературного жанра М.М. Бахтина на материале исследований учёного 1920–1970-х гг. С методологических позиций герменевтики не как учения о методе, а как учения о бытии, в аспекте трактовки М.М. Бахтиным целостности «художественного высказывания» анализируются актуализированные им проблемы онтологии понимания и способа познания литературного жанра, функциональные роли в жанровой теории философа-литературоведа герменевтических категорий «культурная традиция», «предпонимание», «части и целое», «горизонты понимания», «интенциональность сознания» и др. Доказывается, что М.М. Бахтин в учении об «архаике жанра», «архитектонике эстетического объекта» отразил диалектику объект-объектных и субъект-объектных отношений как проявление и выражение специфической природы художественного познания.

Ключевые слова: художественная гносеология; философия литературного жанра; герменевтика; целое и части; понимающее бытие жанра.

Современная теория литературных жанров преимущественно связана с методологическими идеями М.М. Бахтина, к работам которого восходят тенденции герменевтического истолкования проблем гносеологии. Разработанная учёным парадигма философии литературного жанра оказала глубокое и плодотворное воздействие на отечественную и зарубежную теоретико-литературную мысль. Подтверждения этому можно найти в исследованиях не только российских, но и ряда зарубежных учёных [1–9 и др.].

Если иметь в виду западную гуманитаристику, то можно сказать, что это объясняется во многом фактом интегрирования в бахтинской теории жанра идеей феноменологии и герменевтики В. Дильтея и Э. Гуссерля [10. С. 362–363, 366], вследствие чего эта теория оказалась созвучной, соприродной методологическим исканиям мирового литературоведения.

В отечественной филологии из жанровых новаций М.М. Бахтина востребованными оказались в основном идея «завершения» как основа «распадения на жанры» [11. С. 175], концепция диалогизма («адресованность высказывания», «ориентация на жизнь» и «на слушателей», «диалогическое движение понимания» [10. С. 384; 11. С. 177]), а также положения о том, что жанр «помнит своё прошлое» [3. С. 242]. Такие дефиниции, как «творческая память», «оформляющее понимание действительности и жизни», «контексты понимания» [10. С. 392; 11. С. 180; 12. С. 142] и другие, введенные М.М. Бахтиным в его жанровую теорию, вовсе не являются метафорами: они фиксируют процесс изучения «понимающей» специфики литературного жанра.

Герменевтика как учение о понимании смысла, наряду с гносеологией и аксиологией, оказывала благотворное воздействие на процессы обогащения и совершенствования методологического арсенала гуманитарных исследований уже в период формирования научного мировоззрения учёного. Это нашло отражение в актуализации им герменевтического подхода к объяснению эстетических явлений, который оказался существенно необходимым при философской интерпретации онтологического аспекта типологии и поэтики литературных жанров. М.М. Бахтин проявлял несомненный интерес к идеям философской герме-

невтики. В его статьях «К методологии гуманитарных наук», «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» («Опыт философского анализа»), «Из записей 1970–1971 годов» и других работах, а также в разделе о литературном жанре книги П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» (1928), в книге В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке» (1929) – авторов круга М.М. Бахтина [13], содержатся апелляции к идеям Шпенглера, Риккерта, Дильтея, Гуссерля, Ясперса, к эпистемологии таких научных направлений, как «философия жизни», «философия культуры», «психология культуры», «науки о духе» [10. С. 368–369, 384], разработка которых способствовала актуализации философской герменевтики. Рассматривая вопрос о познавательном качестве литературного жанра как типа «высказывания», теоретические аспекты «определения смысла», «истолкования», интерпретации художественного произведения, учёный обращался к научным традициям этих направлений. Когда он, например, обосновывал «проблему понимания», философско-эстетическую идею «реальности» или дефиниции «описательной психологии», то прямо ссылался на опыт европейских философов или вступал с ними в диалог [10. С. 352, 366, 369, 382–384]. Не случайно то, что именно М.М. Бахтин, наряду с Н. Гартманом, М. Хайдеггером, К. Ясперсом, стал одним из создателей «новой онтологии», сформировавшейся в XX столетии.

Когда мы ссылаемся на книгу П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» при рассмотрении философии литературного жанра М.М. Бахтина, то имеем в виду, что вопрос о принадлежности этому учёному раздела «Проблема жанра» в ней до сих пор остаётся дискуссионным. Поскольку основные теоретико-методологические идеи данного раздела – жанр как тип высказывания, «обладающий определёнными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого»; оформляющее понимание действительности и жизни в жанре и «завершённость целостности»; специфичность жанрово-

го понимания и средств, способов его выражения, «форм видения и осмысления определённых сторон мира»; дефиниции архитектоники; вопросы формосодержания как единства познавательного качества, этической оценки и художественно-завершающего оформления; «адресованность высказывания» как его «конститутивная особенность» и т.д. (ср.: [11. С. 179–183] и [10. С. 271, 295, 351]) – находят адекватное истолкование, воплощение и развитие в работах, автором которых, бесспорно, является М.М. Бахтин («Автор и герой в эстетической деятельности» (первая половина или середина 1920-х гг.), «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), «К методологии гуманитарных наук» (конец 1930-х – начало 1940-х гг.), «Проблема речевых жанров» (1952–1953), «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» (1959–1961), «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”» (1970), «Из записей 1970–1971 годов» и др.), указанный источник закономерно включается в число тех исследований, на анализе которых строится концепция работы.

Реализуя герменевтическую направленность исследований в области теоретической поэтики, М.М. Бахтин *понимание* как *способ бытия* и как *способ познания* литературного жанра выдвигает в центр собственной философско-литературоведческой рефлексии. Но именно это, самое главное в жанрологии учёного-мыслителя, остаётся менее всего отрефлексированным исследователями-филологами, а именно положение о жанре как «сложной системе средств и способов *понимающего* овладения и завершения действительности», о том, что «каждый жанр способен овладеть лишь определёнными сторонами действительности», «сторонами мира», что каждому жанру принадлежат «определённые принципы отбора, определённые формы видения и *понимания* этой действительности, определённые степени широты охвата и глубины произведений» [10. С. 351; 11. С. 178, 181]. Ключевой является здесь категория «понимание».

Российский учёный на многие десятилетия опередил западную философско-эстетическую мысль, трактуя, в сущности, герменевтику как учение о бытии, как онтологию (когда основной задачей становится выяснение онтологического статуса понимания), опередил, в частности, Г.-Г. Гадамера, который рассматривал герменевтику не как метод, а как универсальный аспект философии.

М.М. Бахтину мы обязаны пониманием того, что философия жанра – основополагающая, базисная область поэтики («исходить поэтика должна именно из жанра» [11. С. 175]). Актуализация идеи *понимающего потенциала жанра* неизбежна при разработке любой литературоведческой проблематики. Исследовать явления литературного процесса без опоры на анализ понимания как способа существования жанра невозможно, поскольку писатель, по словам Медведева / Бахтина, «мыслит... едиными в себе комплексами – высказываниями» [10. С. 251–252; 11. С. 181], т.е. на языке жанра [10. С. 250, 271]. В результате же игнорирования идеи жанра как *понимающей, смылосозидающей* художественной целостности утрачивается

исследовательская стратегия, а постигающий смысл произведения не застрахован от субъективных, произвольных литературоведческих интерпретаций.

Когда аргументируются положения о том, что «*понять* определённые стороны действительности можно только в связи с определёнными способами её *выражения*» [11. С. 182], что «природа высказываний» реализуется в «жанровых формах высказываний», в «специфических организмах жанров» [10. С. 253; 14. С. 101], то открывается парадигматическая перспектива выделения двух аспектов герменевтики жанра: 1) онтологического (жанровая специфика «форм видения и понимания действительности» [10. С. 306; 11. С. 178]; онтология понимания жанра как «типического целого художественного высказывания» [11. С. 175]); 2) интерпретационно-эпистемологического (понимание, исследование «*понимающих*» возможностей жанра, «творческое понимание» произведения как «высказывания» [10. С. 307, 310, 366]). Это базисные идеи герменевтического подхода в философии литературного жанра М.М. Бахтина, которые «задают ситуацию понимания» и последовательность «интенциональных актов сознания», его «предметно-смысловых и экспрессивных сторон» [14. С. 102] в процессе познания «смыслового целого» произведения.

Традиции герменевтического опыта соотносятся прежде всего с бахтинской теорией целостности жанра. При таком соотнесении на первый план выдвигается категория «культурной традиции» («устойчивой» сущности, «духовности»), определяющей специфику жанра как «типического целого художественного высказывания». (М.М. Бахтин не случайно говорил о «духе» как специфической области исследований гуманитарной, филологической науки [10. С. 384].) «Традиция – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменах» в процессе понимания новых смыслов, традиция – это и культурный контекст понимания, – подчеркивал в своём основном труде «Истина и метод» (1960) один из основоположников современной философской герменевтики Х.-Г. Гадамер [15. С. 334]. «Контексты понимания», «далёкие контексты» как факторы «нескончаемого обновления смыслов» М.М. Бахтин в статье «К методологии гуманитарных наук», написанной почти на три десятилетия раньше книги Г.-Г. Гадамера, рассматривал как дефиниции понятия «культурная традиция». Именно «культурная традиция», «творческая память», объективированная в жанре, исторически меняясь, обеспечивает, как писал он в книге о поэтике Достоевского, «единство и непрерывность литературного развития» [12. С. 142].

В «науке о духе», создававшейся философско-филологическими исследованиями М.М. Бахтина, «культурная традиция» маркируется понятием «архаика жанра», под которым разумеется не стагнация «устойчивого типа высказывания» [10. С. 250], а его «неумирающие элементы» и одновременно способность к «постоянному обновлению» [12. С. 142]. «Архаика» каждого жанра, определяемая свойственной ему понимающей и познавательной сущностью, на уровне «формы содержания» [14. С. 56] объективиру-

ется его конструктивным принципом (тем, что М.М. Бахтин называет «каноном», «костяком», «схемой» жанра [14. С. 448, 452, 482]). Этой «сущностью» обусловлена «формула жанра» [Там же. С. 452], т.е. формы именно такого, а не иного «понимания действительности», чем и объясняются самодостаточность и незаменимость каждого жанра. Даже литературный вид как сугубо типологическая форма обладает своим предельно абстрагированным смыслом, улавливаемым реципиентом уже на герменевтическом уровне «предпонимания». «Мы уже с первых слов угадываем... жанр, — писал М.М. Бахтин в работе “Проблема речевых жанров”, — предугадываем определённый объём (то есть приблизительную длительность речевого целого), определённое композиционное построение, предвидим конец, то есть с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи» [10. С. 271–272].

«Культурная традиция», воплощённая в «архаике» жанра, — есть его специфический понимающий потенциал. Эта фактор жанрообуславливания, которым определяется специфичность жанроформирования и жанрообразовательных процессов. В компетенции жанрообуславливания находится проблематика жанра, то, что П.Н. Медведев / М.М. Бахтин рассматривали как «тематическую ориентацию на жизнь» литературного жанра, как его «внутреннее тематическое отношение к действительности» [11. С. 177]. «Сущность содержания» каждого жанра, его проблематика находятся в причинной зависимости от свойственной ему концепции человека в его отношении к миру [16. С. 3]. Это закрепляется как «традиция», как фактор жанрообуславливания, детерминирующий, в свою очередь, «способность» каждого жанра осваивать «лишь определённые стороны действительности» [11. С. 178], его познавательную специфику, «определённые формы видения и понимания... действительности, определённые степени широты охвата и глубины произведений» [Там же], т.е. «жанровую норму» и «жанровый предел».

Жанровая теория М.М. Бахтина ассимилирует, органично усваивает основные принципы герменевтического анализа явлений культуры и литературы. В статье «К методологии гуманитарных наук» он в связи с исследованием процесса «определения смысла во всей глубине и сложности его сущности» и с утверждением того, что «образ должен быть понят как то, что он есть, и как то, что он обозначает», говорит о роли категории «предвосхищения», «предвосхищения контекста» [10. С. 382–384] при «сознании целого», при этом прямо ссылаясь на опыт феноменологической герменевтики, в частности, Гуссерля и «преодолевавшего монологизм» Дильтея [Там же. С. 382–383]. «Понимающий автор», который «присутствует только в целом произведении», в это смысловое целое включает и «предвосхищённые возможности», «предвосхищение ответа» на поставленные вопросы [Там же. С. 383, 389]. «Предпонимание», «смыслоожидание» всегда основываются на «предвосхищении завершенности», т.е. на ощущении «целого», и оно, по словам Х.-Г. Гадамера, оказывается

«всякий раз содержательно определённым» [15. С. 349]. Акцентировка внимания на проблеме содержания весьма показательна для современных работ по герменевтике, поскольку вопросы *смысла*, всегда находившиеся в центре «эстетики словесного творчества» М.М. Бахтина, остаются в них приоритетными. Для современной рецептивной эстетики, рассматривающей «смыслообразующую деятельность читателя в рамках феноменологии чтения» [17. С. 150] (как, впрочем, и другие вопросы реализации прагматического подхода в современном литературоведении [Там же]), теоретический опыт М.М. Бахтина имеет большое значение.

Проблема «предвосхищения», «предугадывания» [10. С. 272, 382, 384] («предпонимания») «смыслового целого» тесно связана с идеей «герменевтического круга», которая зиждется на признании диалектических соотношений целого и частей, его составляющих. Как подчёркивал Г.-Г. Гадамер, «части определяются целым и в свою очередь определяют целое: благодаря этому эксплицитно понятным становится то предвосхищение смысла, которым разумелось целое» [18. С. 71]. Теория «герменевтического круга» нацелена на осмысление целостности жанра, являющейся воплощением единства «постоянного» и «изменяемого», типологического и исторического.

Бахтинская теория жанра как «завершённого высказывания» [10. С. 268] открывает перспективу рефлексии художественного «видения и понимания действительности» в системе дифференциации и интеграции «частей» жанровой целостности — жанрообуславливающих, жанроформирующих и жанрообразующих факторов и жанрообразующих средств, а эпистемология интерпретационных практик раскрывает свои герменевтические возможности в процессе установления соприродности этих частей друг другу и создаваемому ими художественному целому.

Жанровая теория М.М. Бахтина актуализирует технологии «герменевтического круга» при анализе такой соприродности: «сущность» жанра содержит в себе смыслообразующие начала каждой «части», а каждая «часть» содержит в себе эту «сущность». М.М. Бахтин имел в виду именно это, когда писал о том, что «конструктивное значение каждого элемента может быть понято лишь в связи» с «сознанием целого» [10. С. 281, 382; 11. С. 175]. Все аспекты этого целого находятся в корреляционных отношениях и связях, выполняя свойственные им функции «оформляющего завершения действительности и жизни» в процессе смыслообразования произведения как нового эстетического предмета. Сам процесс понимания М.М. Бахтин рассматривал как расширение «культурных горизонтов» (что особо ценил в исследованиях Веселовского и Потебни [10. С. 329]). «Горизонты» понимания, расширяясь, в конечном итоге создают представление о том «оформляющемся понимании», которое и является предметом жанрологического анализа. В этом смысле в объект исследования входит «поступок познания» автора: «Преднаходимая эстетическим актом, опознанная и оценённая поступком действительность, — пишет М.М. Бахтин, — входит в произведение (точнее — в эстетический объект) и ста-

новится здесь необходимым конститутивным моментом» [14. С. 29].

Жанроформирование – это сфера видовых характеристик, обусловленных родовой природой произведений, в компетенции которой находится фиксация типологической модели, структуры «эстетического объекта» [Там же. С. 17], того, что М. М. Бахтин определял не как «шаблон», а как «форму видения и осмысления определённых сторон мира» [10. С. 351]. Формирующими факторами (факторами «завершённой целостности высказывания» [Там же. С. 269]) создается конститутивный тип эстетического целого. Такими факторами (если привести к целесообразному единству разноречивые данные исследований в этой области) являются: принцип сюжетно-композиционной организации, концептуальный хронотоп и тип повествования.

Жанрообразование – сфера, связанная с воплощением родовых и видовых свойств на уровне метода и стиля в конкретном произведении. Это сфера компетенции «идеи человека» (культурно-исторически обусловленной трактовки природы и сущности человека) и жанровой доминанты как факторов жанрообразования. Работами по исторической поэтике романа М.М. Бахтин открыл перспективу использования и совершенствования эпистемологических ресурсов изучения познавательных качеств литературного жанра в системе взаимосвязи всех его «частей», всех его составляющих. «Суммативный» принцип при анализе познавательной природы жанра не может быть надёжным инструментом в изучении эстетического качества «понимающего целого», его рассмотрения как результата «поступка познания». Вот почему, когда мы в научной или учебной литературе обнаруживаем перечисление признаков, скажем, романа, то убеждаемся, что этот принцип не способствует раскрытию «понимающих» ресурсов этого жанра. Другое дело – анализ корреляции «частей» «целого» жанра. Здесь вступают в силу категории эпистемолого-интерпретационного аспекта герменевтики литературного жанра.

М.М. Бахтин со всей очевидностью предусмотрел «требования онтологии понимания» современной философской эстетики, которые много позже сформулировал П. Рикёр в своем исследовании «Конфликт интерпретаций» [19]. Эти «требования» сводятся к следующему: в понимании специфики художественно-образного познания, его знаковой системы необходимо исходить из того, что жизнь – это главное понятие (идея В. Дильтея); различать понимание как способ бытия и как способ познания; выйти из «заколдованного круга субъект-объектной проблематики и задаться вопросом о бытии»; в познании дойти до связи «исторического бытия» с «совокупным бытием», т.е. той связи, которая была бы более изначальна, чем субъект-объектные отношения [Там же. С. 9–12], которые ставятся во главу угла традиционной теорией познания, теорией отражения.

В статье «Из записей 1970–1971 годов» М.М. Бахтин с гносеологических позиций рассматривал три типа отношений: между объектами, между субъектом и объектом и между субъектами. «Если отношения деперсонифицированы... то они переходят в первый тип, – писал он. – С другой стороны, возможна персо-

нификация многих объектных отношений и переход их... в персонифицированные смысловые связи» [10. С. 362]. Первый тип причинных связей в творческом процессе писателя имеет место до субъект-объектных отношений, в которых реализуется художественное познание, нетеоретическое философствование автора, создающего произведение в определённом жанровом «типе высказывания». Это имел в виду учёный, когда ставил вопрос о том, что «для писателя-ремесленника жанр служит внешним шаблоном, большой же художник пробуждает заложенные в нём смысловые возможности» [Там же. С. 351].

Введение М.М. Бахтиным в эстетику понятия «архитектоники эстетического объекта», т.е. структуры воплощения «содержания эстетической деятельности (созерцания), направленной на произведение» [14. С. 17], уже, по сути, означало «выход из заколдованного круга субъект-объектной проблематики», позволяющий «задаться вопросом о бытии», о способе существования литературного жанра как «целостного понимания» [10. С. 260]. Само художественное познание рассматривалось учёным в аспекте онтологии человеческой жизни, как реализация одного из способов «человеческого существования в мире» – созерцания.

Существование жанра в процессе понимания – это и есть «способ бытия», заданный «объектными отношениями», «совокупным бытием» – абстрагированным коллективным художественным опытом, «схваченным» в жанровой «архаике», в сфере жанрообусловливания и в конструктивном принципе жанра. По словам П.Н. Медведева / М.М. Бахтина, «художнику... плоскость произведения служит уже... для понимания и отбора материала» [11. С. 182]. Процесс осмысления «бытийных характеристик» жанра средствами анализа «архитектонической целостности» с точки зрения жанрообусловливания ведёт к выводам о том, что *бытие жанра и заключается в художественном понимании.*

«Существование» каждого жанра предстаёт как процесс «видения и понимания действительности и жизни» [Там же. С. 180, 182]. Разрабатывая онтологический аспект жанровой теории, М.М. Бахтин пошёл дальше В. Дильтея как автора «Истоков герменевтики» (1900), который первым кардинально изменил традиционное представление об отношениях между пониманием и бытием в том плане, что снимал оппозицию онтологии понимания и эпистемологии интерпретации. М.М. Бахтин продолжал и углублял идею связи, в его терминологии, – «живой единственной историчности» конкретного жанрообразования с «совокупным бытием», с «чисто теоретическим, исторически недействительным субъектом, сознанием вообще», с «гносеологическим субъектом» [20], существующим как специфическое бытие, как «память жанра» [12. С. 142], которая предшествует субъект-объектным, т.е. «персонифицированным объектным отношениям» [10. С. 362], и предполагает жанровую проблематику и тип художественного целого. Вот почему в книге «Формальный метод в литературоведении» особо подчеркивалось: «Действительность жанра (т.е. понимание как способ существования. – В.Г.) и действительность, доступная жанру, – органически связаны между собой... Жанр...

есть совокупность способов коллективной ориентации в действительности, с установкой на завершение» [11. С. 184].

Онтология понимания конкретного жанрообразования реализует его понимающий потенциал, объективно существующий до субъекта художественного познания, т.е. в виде объект-объектных, деперсонифицированных отношений. Эта «автономность» не позволяет жанрам ассимилироваться, несмотря ни на какие жанрово-родовые взаимодействия. И хотя бытие каждого жанра как «целостного понимания» имеет свои «границы» [10. С. 260, 263], это вовсе не лишает писателя права на внеканоническую инициативу, проявляющуюся, прежде всего, в сфере жанрообразовательных процессов. Философско-методологическая парадигма М.М. Бахтина основана на деятельностном принципе: поскольку жанр существует в процессе понимания, то он являет собой (в отличие от вида) не застывшую, «мёртвую» «устойчивость», не матрицу, а «устойчивую тенденцию развития литературы» [12. С. 142], реализацию «автора и героя в эстетической деятельности».

В творческой практике писателя достигается единство жанровой «архаики» (жанр, говоря словами Бахтина, всегда «тот», «стар») и его неповторимого своеобразия (жанр одновременно всегда «не тот», «нов» [Там же]). Так и рождается жанр как «неповторимая повторяемость». Существуют образцы профессионального анализа таких жанровых процессов. Эта проблематика исследовалась самим М.М. Бахтиным в работах по исторической поэтике романа, А.Я. Эсалнек в теоретических исследованиях об этом жанре [21], Л.Я. Гинзбург [22] и Е.Н. Купреяновой [23] и в историко-литературных анализах познавательных качеств жанра «книги» А.И. Герцена «Былое и думы» и «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

Актуализацией герменевтического подхода в философии литературного жанра М.М. Бахтина открывалась перспектива изучения «природы высказывания» и «жанровых форм высказывания» [10. С. 253], сферы жанрообуславливания, а потому и на выработку эпистемологических принципов анализа «познающей» специфики жанров, которая реализуется в процессе смыслообразования и в которой проявляется «самозначающая действительность литературных произведений» [12. С. 30]. «Познание и понимание» он трактовал как «замыкание анализа... в один данный текст» [10. С. 384].

Это ещё раз подтверждает то, что при анализе поэтики конкретного произведения необходимо иметь в виду взаимосвязь двух основных аспектов герменевтики литературного жанра – онтологического и интерпретационно-эпистемологического. Однако в современном литературоведении герменевтический подход осуществляется в исследовании лишь некоторых эпических (роман, повесть, новелла) и лирических жанров. В этом смысле сохраняет свою значимость положение М.М. Бахтина, согласно которому «жанры сложного культурного общения рассчитаны на... ответственное понимание замедленного действия» [Там же. С. 260].

Герменевтическая проблематика для теории и истории литературных жанров остаётся остро актуальной. Методологические перспективы объединения в одном концептуальном осмыслении непосредственной достоверности познания и «культурной традиции» связаны, прежде всего, с изучением сфер жанрообуславливания и жанроформирования, с разработкой технологий понимания «познающих», познавательных возможностей каждого исторически сформировавшегося в мировой литературной практике типа художественной целостности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dubrow H. Genre. L. : Methuen, etc., 1982. 133 p.
2. Todorov Tz. Mikhail Bakhtin. The Dialogical Principle. L., 1984. 132 p.
3. Kent Th. Interpretation and Genre – The Role of Generic Reception in the Study of Narrative Text. London ; Toronto, 1986. 180 p.
4. Rosmarin A. The Power of Genre. L. ; N. Y., 1986. 199 p.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
6. Morson G., Emerson C. Mikhail Bakhtin, Creation of a Prosaics. Stanford, 1990. 530 p.
7. Fowler A. Genri // A Dictionary of Modern Critical Terms / ed. A. Fowler. L. ; N. Y., 1993. 262 p.
8. Blodorn A., Langer D., Scheffel M. Stimme(n) im Text: Narratologische Positionenbestimmungen / hrsg. von A. Blodorn, D. Langer, M. Scheffel. Berlin ; New York, 2006. 389 p.
9. Павера Л. Текст, жанр и интерпретация / перев. с чеш. М. : Универ. книга, 2008. 135 с.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
11. Медведев П.Н. [Бахтин М.М.] Проблема жанра // Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л. : Прибой, 1928. 232 с.
12. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. писатель, 1963. 364 с.
13. Тамбовцев Ю.А. Кто написал тексты Бахтина, Волошинова и Медведева? // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 238–243.
14. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худ. лит., 1975. 504 с.
15. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
16. Канунова Ф.З. Проблема личности и жанр: (Русская сентиментальная и романтическая повесть) // Проблемы литературных жанров: материалы науч. межвуз. конф. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. С. 3–5.
17. Турышева О.Н. Прагматический подход в литературной науке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1 (39). С. 150–159.
18. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 368 с.
19. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М. : Academia-Центр ; Медиум, 1995. 415 с.
20. Бахтин М.М. К философии поступка. URL: <http://www.magister.konvent.ru/lib/ELIB/bahti001/00000001.htm> (дата обращения: 11.01.2017).
21. Эсалнек А.Я. Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты). М. : Изд-во МГУ, 1991. 159 с.
22. Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» А.И. Герцена. Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. 376 с.
23. Купреянова Е.Н. «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого // История русского романа : в 2 т. М. ; Л. : Наука, 1964. Т. 2. С. 270–349.

ACTUALIZATION OF THE HERMENEUTIC APPROACH IN M.M. BAKHTIN'S PHILOSOPHY OF LITERARY GENRES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 416, 13–18.

DOI: 10.17223/15617793/416/2

Vyacheslav M. Golovko, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: vmgolovko@mail.ru

Keywords: artistic epistemology; philosophy of literary genres; hermeneutics; whole and part; understanding existence of genre.

The problem of the formation of the hermeneutic paradigm in M.M. Bakhtin's methodology for studying the philosophy of the literary genre, which developed in the theoretical research of the scientist of the 1920s–1970s, is analyzed. The material of the study is the classic works of Bakhtin devoted to methodology of the humanities, the problems of aesthetic activity, artistic content and forms, text, poetics, speech and literary genres. From the methodological point of hermeneutics, not as a method of teaching but as a doctrine of being, the problem of ontology of understanding and knowledge of the method of the literary genre actualized by the scholar, as well as the functional system of definitions of the hermeneutic approach in his genre theory, are highlighted. Innovation in the field of understanding the genre as a whole possessing certain means of “understanding the design of reality” is based on Bakhtin's reception and interpretation of the phenomenological-hermeneutic interpretation of the “reality of the spirit”, its “autonomous being” peculiar for “new ontology”. In his genre theory, the scholar grounded the relationship between the ontological and epistemological-interpretational aspects in the study of the “sense-creating” integrity of a literary work. Actualization of traditions of hermeneutic experience causes such categories as “cultural tradition”, “pre-understanding” (“divining”, “anticipation of completeness”), “part and the whole”, “horizons of understanding”, “cultural contexts”, “intentional acts of consciousness”, “object-object relations” to be functional in Bakhtin's aesthetics. Improving the theory of interpretation (technology of “hermeneutic circle”, expansion of “horizons of understanding” and others), Bakhtin envisioned the competence of “cultural tradition” in the “archaics” of the genre, in its specific understanding potential, i.e. in the “genre conditioning” area; it opened up the possibility of studying the interpretive component of hermeneutics – the specificity of forming and of development of genres as “parts” that correlate with genre conditioning to create the “whole” of an artistic “statement” which is connatural to these “parts”. Bakhtin introduced the concept of “architectonics of aesthetic object”, the structural embodiment of the “content of aesthetic activities aimed at literary work”, to the aesthetics, which allowed to raise the question about recognition of the “understanding being” of literary genres. The result of the study is a conclusion that the hermeneutic approach in Bakhtin's philosophy of literary genres provided the discovery of an important methodological perspective in the study of problems of genre, the specificity of genre conditioning of types of “artistic expression” of all literary genera. Infusing the philosophical knowledge about the nature of artistic cognition, the scholar perfected the epistemological system of the theory of the understanding specifics and interpretation of the genre. In his doctrine of the genre “archaics” and “architectonics of aesthetic object”, Bakhtin substantiated the theoretical significance of the study of the role of object-object (impersonal), then the subject-object relations in the process of “awakening of semantic features inherent in the genre” during the creation of literary works, as well as in the process of implementation of the dialectic of the “old” and “new” in the genre, providing continuity of literary development.

REFERENCES

1. Dubrow, H. (1982) *Genre*. London: Methuen, etc.
2. Todorov, Tz. (1984) *Mikhail Bakhtin. The Dialogical Principle*. London: Yale University Press.
3. Kent, Th. (1986) *Interpretation and Genre – The Role of Generic Reception in the Study of Narrative Text*. London; Toronto: Bucknell University Press.
4. Rosmarin, A. (1986) *The Power of Genre*. London; New York: Methuen.
5. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
6. Morson G. & Emerson, C. (1990) *Mikhail Bakhtin, Creation of a Prosaics*. Stanford: Stanford University Press.
7. Fowler, A. (1993) *Genri*. In: Fowler, A. (ed.) *A Dictionary of Modern Critical Terms*. London; New York: Routledge.
8. Blodorn, A., Langer, D. & Scheffel, M. (2006) *Stimme(n) im Text: Narratologische Positionsbestimmungen* [Voice(s) in the text: Narratological position determinations]. Berlin; New York: De Gruyter.
9. Pavera, L. (2008) *Tekst, zhanr i interpretatsiya* [Text, genre and interpretation]. Translated from Czech by E. Skripal', M. Yerzhabkova, S. Sheralimova. Moscow: Universitetskaya kniga.
10. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
11. Medvedev, P.N. [Bakhtin, M.M.] (1928) *Problema zhanra* [The Problem of the Genre]. In: Medvedev, P.N. *Formal'nyy metod v literaturovedenii: Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuyu poetiku* [Formal method in literary criticism: Critical introduction to sociological poetics]. Leningrad: Priboy.
12. Bakhtin, M.M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
13. Tambovtsev, Yu.A. (2011) Kto napisal teksty Bakhtina, Voloshinova i Medvedeva? [Who wrote the texts of Bakhtin, Voloshinov and Medvedev?]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4. pp. 238–243.
14. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
16. Kanunova, F.Z. (1972) [The problem of personality and genre: (Russian sentimental and romantic story)]. *Problemy literaturnykh zhanrov* [Problems of literary genres]. Proceedings of the conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–5. (In Russian).
17. Turysheva, O.N. (2016) A pragmatic approach in literary science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (39). pp. 150–159. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/39/13
18. Gadamer, H.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.
19. Ricoeur, P. (1995) *Konflikt interpretatsiy: Ocherki o germeneytike* [Conflict of interpretations: Essays on hermeneutics]. Translated from French. Moscow: Academia-Tsentr; Medium.
20. Bakhtin, M.M. (1994) *K filosofii postupka* [On the philosophy of an action]. [Online] Available from: <http://www.magister.konvent.ru/lib/ELIB/bahti001/00000001.htm>. (Accessed: 11th January 2017).
21. Esalnek, A.Ya. (1991) *Tipologiya romana (teoreticheskiy i istoriko-literaturnyy aspekt)* [Typology of the novel (theoretical and historical-literary aspects)]. Moscow: Moscow State University.
22. Ginzburg, L.Ya. (1957) *Byloe i dumy* "A.I. Gertsena" [The Past and Thoughts by A.I. Herzen]. Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit.
23. Kupreyanova, E.N. (1964) *“Voyna i mir” i “Anna Karenina” L'va Tolstogo* [War and Peace and Anna Karenina by Leo Tolstoy]. In: Bushmin, A.S. et al. (eds) *Istoriya russkogo romana: v 2 t.* [The history of the Russian novel: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.

Received: 05 February 2017